

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 134–151.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 134–151.

Научная статья

УДК 061.2(4/9)(091)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.11

**НОВЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕХНОЛОГИИ АWT)
И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В ОПТИКЕ ИДЕЙ РОССИЙСКИХ
АКТИВИСТОК ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 20-х гг. XX в.
И СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ФЕМИНИСТОК**

Светлана Анатольевна Хмелевская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, xmelevsk@mail.ru

Аннотация. Аргументируя свои идеи, современные западные феминистки нередко апеллируют к науке, которая все больше предлагает технологий, способных существенным образом повлиять на гендерные отношения и приблизить, как они полагают, общество к полному гендерному равенству. В качестве примера в статье приводится технология АWT, которая сейчас активно разрабатывается в ряде научных центров. Ее суть в создании экзомба — искусственной утробы, в которой эмбрион/плод может нормально развиваться вне тела матери. Современные западные феминистки усматривают в этой технологии путь, ведущий к равному распределению репродуктивных ролей, что, по их мнению, является биологической основой гендерного равенства. Автором транслируются схожие идеи, высказанные российскими активистками женского движения в 20-х гг. XX в., при этом учитывается, что они были сформулированы в особом историческом и социальном контексте (в частности, в связи с необходимостью формирования «нового» человека, активного включения женщин в коммунистическое строительство, устранения гендерного неравенства). Для обоснования этого автор использует архивные документы, которые до сих пор не были введены в научный оборот и изучались ею еще в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (сейчас РГАСПИ). В финальной части статьи делаются выводы, раскрывающие некорректность обоснования гендерного равенства на основе репродуктивных технологий. Автор проводит идею, что данные технологии сами могут создавать новые проявления не только гендерного, но и социального неравенства, расставляют ловушки для тех, кто ищет в этих технологиях путь к достижению полного гендерного равенства.

Ключевые слова: идеи российских активисток, женское движение, современные западные феминистки, гендерное равенство, деторождение, репродуктивные технологии, технология АWT, экзомб, распределение репродуктивных ролей, право на репродуктивную автономию

Для цитирования: Хмелевская С. А. Новые репродуктивные технологии (на примере технологии АWT) и гендерное равенство в оптике идей российских активисток женского движения 20-х гг. XX в. и современных западных феминисток // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 134—151.

Original article

CONTEMPORARY REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES
(THE EXAMPLE OF AWT TECHNOLOGY)
AND GENDER EQUALITY IN THE FOCUS OF IDEAS
EXPRESSED BY MODERN WESTERN FEMINISTS
AND RUSSIAN WOMEN'S MOVEMENT ACTIVISTS
IN THE 20s OF THE XX c.

Svetlana A. Hmelevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, xmelevsk@mail.ru

Abstract. Arguing their ideas, modern western feminists often appeal to science, which increasingly offers technologies that can significantly affect gender relations, and bring society closer to the so-called full gender equality. The article provides an example of such a technology — AWT technology, which is currently being actively developed in a number of research centers. Its essence is to create an exomb — an artificial womb in which the embryo/fetus can develop normally outside the mother's body. Modern western feminists see in this technology a path leading to an equal distribution of reproductive roles, which, in their opinion, is the biological basis of gender equality. The article presents similar ideas expressed by Russian activists of the women's movement in the 20s of the XX c., taking into account that they were formulated in a special historical and social context (in particular, in connection with the need to form a "new" person, the active inclusion of women in communist construction, the elimination of gender inequality). To substantiate this, the article uses archival documents that have not yet been introduced into scientific circulation and were studied by the author in the archive of the Central Committee of the CPSU (now RSASPH). In the final part of the article, conclusions are drawn that reveal the incorrectness of the justification of gender equality based on reproductive technologies. The author holds the idea that these technologies themselves can create new manifestations of not only gender, but also social inequality, set traps for those who are looking for a way to achieve full gender equality in these technologies.

Key words: ideas of Russian activists, women's movement, modern western feminists, gender equality, childbearing, reproductive technologies, AWT technology, exomb, distribution of reproductive roles, the right to reproductive autonomy

For citation: Hmelevskaya, S. A. (2022) Novye reproduktivnye tekhnologii (na primere tekhnologii AWT) i gendernoe ravenstvo v optike ideĭ rossiĭskikh aktivistok zhenskogo dvizheniia 20-kh gg. XX v. i sovremennykh zapadnykh feministok [Contemporary reproductive technologies (the example of AWT technology) and gender equality in the focus of ideas expressed by modern western feminists and Russian women's movement activists in the 20s of the XX c.], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 134—151.

Постановка вопроса

Для аргументации идей гендерного равенства феминистки нередко апеллируют к настоящим и будущим успехам науки. Так, особое внимание современными западными феминистками уделяется развитию биомедицинских технологий, на основе которых можно достичь, по их мнению, полного гендерного равенства¹. В связи с этим огромный интерес вызывает технология АWT (Artificial Womb Technology), предполагающая в своем полноценном варианте протекание всех этапов развития эмбриона/плода в искусственной утробе (экзомбе), что должно привести к освобождению женщины от тягот и рисков, сопровождающих беременность и роды. Именно на базе данной технологии возможно, с позиций феминисток крайнего толка, достижение гендерного равенства как равенства в гестационных ролях и обеспечение автономии репродуктивного поведения женщин (и не только их!). Они убеждены в том, что существующее гендерное неравенство во многом связано с тем, что на женщину возложено бремя беременности и родов. Соответственно технология АWT позволяет снять ответственность за деторождение с женщины.

Было бы ошибкой утверждать, что попытки использования науки для обоснования путей гендерного равенства свойственны только современным феминисткам. Изучение архивных материалов, датированных 20-ми гг. XX в. (в данной статье некоторые из таких материалов введены в научный оборот впервые) и раскрывающих взгляды ряда российских активисток женского движения того периода (А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, В. П. Голубевой, С. Н. Смидович и др.), позволяет сделать вывод, что свои ожидания в решении вопроса о гендерном равенстве они также связывали и с успехами науки. При этом их позиции относительно роли науки в обеспечении такого равенства вариативны: от предельно радикальной (например, В. П. Голубевой, которая утверждала, что развитие науки приведет к отказу от привычного способа деторождения и к формированию полного гендерного равенства) до более умеренной (например, А. М. Коллонтай, которая предлагала учитывать достижения науки при формировании родительской пары с целью зачатия ребенка и доказывала, что решение родить ребенка должно быть результатом осознанного и свободного выбора женщины).

Интерес представляют ожидания российских активисток женского движения указанного периода относительно будущих репродуктивных технологий, появившихся лишь в современный период (скажем, предположения относительно эктогенеза, выдвинутые В. П. Голубевой, или технологий, схожих с ЭЖО, о которых писала А. М. Коллонтай). Весьма вероятно, что подобные идеи сложились у них в том числе под влиянием работ А. А. Богданова, опытов И. И. Иванова, трудов Н. К. Кольцова и других ученых, чье творчество инициировалось необходимостью и значимостью развития евгеники с целью создания

¹ Речь идет в первую очередь о феминистках радикального крыла, которые стремятся к достижению не только социального, но и природно-биологического гендерного равенства. Более умеренные феминистки не акцентируют внимание на природно-биологическом аспекте такого равенства.

«нового» человека, что подразумевало и принципиально иные способы его формирования и рождения.

Цель настоящей статьи — ответить на вопрос, насколько были оправданы ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в. относительно обеспечения гендерного равенства посредством научных достижений в области, которая сейчас относится к биомедицине, а именно к развитию репродуктивных технологий. Для того чтобы заострить анализируемую проблему, в статье исследуется одна из одиозных репродуктивных технологий, которая сейчас активно разрабатывается, — технология АWT, вызывающая многочисленные споры не только ученых, непосредственно занимающихся проблемами биомедицины, но и тех исследователей, кто изучает социальные последствия ее внедрения. В ракурсе таких последствий обсуждается и тема гендерного равенства (причем не только в научных кругах; например, она активно применяется для обоснования своих идей современными западными феминистками).

Для реализации поставленной цели в статье использовался метод контент-анализа архивных материалов, а также историко-сравнительный метод, позволяющий проводить компаративный анализ идей российских активисток женского движения обозначенного периода и сегодняшних западных феминисток. Несмотря на то что современные биомедицинские технологии в ракурсе их воздействия на женское репродуктивное поведение были в центре внимания ряда российских ученых (см., напр.: [Мицюк, 2015; Темкина, 2014; Пушкарева, Мицюк, 2016]), технология АWT как одна из развивающихся новых репродуктивных технологий, способная существенно повлиять (при ее широком применении) на роль женщины в обществе и гендерные отношения в целом, еще не стала объектом изучения в отечественной научной литературе.

Путь к гендерному равенству: ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в., связанные с развитием науки

Период, наступивший после свершения Октябрьской революции 1917 г., знаменуется поисками новых форм общежития, норм морали, сломом старого уклада жизни. Тема гендерного равенства стала одной из центральных в тот период при обсуждении так называемого женского вопроса [Хасбулатова, Смирнова, 2022: 9—10]. Она рассматривалась в рамках решения проблем социалистической революции, которая должна была принести женщинам освобождение от двойного гнета — капиталистического угнетения и рабского домашнего труда. Гендерное равенство представлялось в разных аспектах: экономическом (равная плата за равный труд), бытовом (семейный быт не должен быть уделом женщины, такой быт — вредный анахронизм прошлого, домашнее хозяйство должно стать отдельным социальным институтом), политическом (равное участие в политической жизни, равные политические права и обязанности) и профессиональном (женщина может овладеть профессиями, которые ранее считались мужскими). Основа гендерного равенства — «участие женщины в создании народных богатств, ее собственный производительный труд» [Коллонтай, 1921: 9], а цель такого равенства — «идти везде, где только можно, в ногу с мужчинами» [Смидович,

1927: 9]. Необходимо было решать и проблему репродуктивных прав женщины, и здесь на первый план выходили вопросы деторождения и материнства.

Несмотря на схожесть взглядов активисток женского движения того периода на семью как на источник буржуазного угнетения и двойной морали, на аборт как реализацию свободы в области репродуктивных прав женщины (ее право на свободу выбора — оставлять ребенка или нет²), в вопросах значимости материнства их позиции разделились. С одной стороны, материнство — это священная обязанность, а «в основе брачного общения лежит здоровый инстинкт воспроизводства» [там же: 22]. Права трудящейся женщины-матери требуют особой охраны.

С другой стороны, представление о женщине как о машине для деторождения — пережиток буржуазной идеологии («женщина, по мнению буржуазии, это — просто машина для деторождения» [там же: 5]). Беременность, рождение ребенка и уход за ним отвлекают женщину от участия в трудовой и общественно-политической жизни, а следовательно, вновь делают ее зависимой от кормильца-мужчины. Если женщина выбирает материнство, а не участие в производительном труде и общественной жизни как центральную ценность, то это — проявление мещанства [там же: 24].

В письме, адресованном своей единомышленнице В. П. Голубевой, А. М. Коллонтай отмечала: «“Новая” женщина — это гармонично-развитый человек, с социальными эмоциями, которые будут вытеснять свойственные женщине прошлого эмоции “семейственные”, любовные переживания и материнские чувствования» [Коллонтай, 1923: 2]. Интересно отметить, что в этом же письме А. М. Коллонтай находит нежные слова, адресованные ребенку В. П. Голубевой, высоко ценя тем самым ее материнские чувства.

Большие надежды для достижения своих целей активистки женского движения возлагали на развитие науки (новое общество — общество, «вооруженное до зубов наукой» [Коллонтай, 1929: 4]), в частности медицины и биологии. Так, А. М. Коллонтай неоднократно упоминала в своих работах о евгенике, «науке облагораживания и оздоровления человечества» (см., напр.: [Коллонтай, 1921: 18]). Совершенный общественно-политический строй требовал и совершенных людей, а евгеника могла улучшить не только российское население, но и население всего мира (пусть родится меньше детей, но лучшего качества) [Коллонтай, 1926].

Кроме того, наука может привести к гендерному равенству и в ракурсе гестационных процессов, если решить проблему с беременностью и родами вне женского организма (отсюда мечты о вынашивании и рождении детей «в колбочках»). Как замечала В. П. Голубева в письме к А. М. Коллонтай, «люди

² Легализация абортов была установлена Постановлением Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18.11.1920 № 471 «Об охране здоровья женщин» (СУ РСФСР, 1920, ст. 471), в соответствии с которым женщине предоставлялась возможность сделать операцию по искусственному прерыванию беременности в специальном медицинском учреждении бесплатно. Либеральный подход к абортам способствовал их широкому распространению, в связи с чем были введены ограничения, а в 1930 г. бесплатные аборт были отменены вовсе (хотя здесь были и исключения, если аборт был необходим по медицинским показаниям).

будущего любить, наверное, не будут вовсе. Они, как я думаю, будут рожать детей в колбочках — это факт. Не будут же они такими идиотами, чтобы такую гадость над собой устраивать — беременность, роды и пр.» [Голубева, 1923: 14]. Тем самым утверждалась мысль, что вынашивание ребенка в материнской утробе — атавизм, который с развитием новых технологий деторождения должен исчезнуть. Предполагалось, что научные достижения приведут к тому, что тяжелая обязанность женщины — деторождение исчезнет, поскольку развивающийся эмбрион будет помещен в искусственную среду («колбочку»), где он и будет развиваться до того момента, когда сможет начать самостоятельную жизнь вне этой среды.

Именно такой подход к деторождению, по мнению В. П. Голубевой, приводит к полному гендерному равенству, будет способствовать улучшению качества эмбрионов (так как будет их отбор), а следовательно, и будущего населения страны. Обычный способ деторождения, в ее представлении, это наследие капиталистического уклада, а новый прогрессивный общественный строй — социализм требует отречения от всего того, что напоминало бы прежний жизненный уклад, в том числе и существующий способ деторождения. Наука будет способствовать уничтожению этого уклада и преодолению «физического рабства женщины» [там же: 15].

Отметим, что в свое время отказ от деторождения как проявление свободы любви был раскритикован В. И. Лениным. В письме к И. Арманд он отмечал, что одно из значений свободы любви означало бы свободу от деторождения, что является не пролетарским, а буржуазным требованием [Ленин, 1970: 50—52]. В этом плане позиция В. П. Голубевой была менее радикальная, она не призывала к отказу от деторождения вообще, а указывала лишь на изменение с помощью научных достижений прежнего способа деторождения (беременность и роды).

Вместе с тем именно деторождение, по мнению ряда радикально настроенных активисток женского движения того периода, отвлекает женщин от активного участия в общественной жизни, что ведет в конечном счете к гендерному неравенству; и если иные методы деторождения еще не доступны, то само деторождение следует трактовать не как обязанность женщины, а как результат сделанного ею свободного выбора («свободное материнство»). Принуждение же к деторождению рассматривалось ими не только как ограничение женщины в правах, но и как «элемент репродуктивного насилия» (об этом писала еще в 1915 г. А. М. Коллонтай) [Коллонтай, 1972: 167]. Бремя материнства представлялось как «переходная ступень к такому положению вещей, при котором забота о подрастающем поколении перестает лежать на плечах частных лиц, а передана будет в руки общественного коллектива», а «организованный рабочий класс должен исходить из того конечного идеала-цели, который обещает дать полное разрешение проблемы материнства» [там же: 168].

«Рождение детей в колбочках» отвечало устремлениям активисток женского движения того периода сделать рождение и воспитание детей не частным, но целиком коллективным делом. Как писала И. Ф. Арманд, «мы должны, и мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми» [Арманд, 1975: 86]. Для финансового обеспечения общественного воспитания детей предлагалось ввести взносы, которые платило бы

все взрослое трудоспособное население в общественный детский фонд (А. М. Коллонтай предлагала ввести для этого прогрессивный подоходный налог [Коллонтай, 1926]). Что касается семейного воспитания, то «брак и семья отомрут гораздо раньше, чем человечество достигнет своей более существенной ступени развития и построит единое мировое хозяйство на коммунистических началах» [Коллонтай, 1929: 3].

Новые репродуктивные технологии («рождение детей в колбочках») должны были помочь решить проблему контроля над рождаемостью, на них возлагалась и задача формирования «крепкой, здоровой, выносливой человеческой расы» [там же: 1]. Так, зачатие ребенка должно осуществляться, например по А. М. Коллонтай, только в разрешенных для этого возрастных группах (21—25 лет), где юноши и девушки «будут свободно сходиться из членов своей группы», а само подобное общение «будет регулироваться гигиенистами» [там же: 4—5]. В старших и младших возрастных группах производство потомства не допускается. Кроме того, по ее мнению, необходимо следить за непрерывным обновлением крови, что важно для развития здорового потомства. Отсюда «в брачном общении определителем будет гигиена и интересы здорового ребенка» [там же: 12]. Поэтому общество будет устанавливать ограничения на рождение детей от больных родителей, а для здоровых родителей «выбор отца ребенка будет на усмотрение гигиенистов» [там же: 17]; надо «содействовать половому подбору в интересах расы» [Коллонтай, 1919: 37].

Материнский инстинкт, по мысли активисток женского движения указанного периода, также постепенно трансформируется («в коллективистском обществе останется женщина, рождающая ребенка, родительница по отношению к данному ребенку... Но чувства матери с большой буквы — они будут перенесены со своего ребенка — на группу детей» [Коллонтай, 1929: 18]). Мать — воспитательница только своего ребенка («это лишь от бедности при недостатке социальных учреждений» [там же: 19]) исчезнет и ей на смену придет «“профессиональная мать” — мать — воспитательница коллектива детей» [там же: 18]. Да и в существующем обществе материнство, как отмечала А. М. Коллонтай, «всегда рассматривалось как суррогат счастья для женщины: не повезло в браке, отрекалась от любовной связи на стороне, овдовела, — остается последнее “прибежище”, материнские заботы и радости. Материнство редко рассматривалось, как самоцель...» [Коллонтай, 1919: 23]. Цели же новой женщины — «социальная идея, наука, призвание, творчество...» [там же: 24]. И «разве женщина, отдающая всю себя ребенку, может оставаться “свободной личностью”...» [Коллонтай, 2013: 93].

Таким образом, по мнению ряда активисток женского движения рассматриваемого периода, достижение полного гендерного равенства требует развития научных технологий, которые должны существенным образом изменить привычные способы деторождения с тем, чтобы освободить женщину от физического рабства, связанного с ним, реализовать свободу ее репродуктивного поведения, сняв с нее гестационные обязанности и тем самым уравнив и в этом случае в правах с мужчиной.

Технология АWT, или Мечты российских активисток женского движения сбываются?

В настоящее время в области биомедицины наука достигла существенных успехов. Так, в России и некоторых странах широко применяются вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) [О порядке использования... , 2020]. Специфика их состоит в том, что «отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства)» [Об основах охраны здоровья... , 2011]. Иными словами, уже сейчас ВРТ можно рассматривать как проявление частичного эктогенеза³, т. е. развития человеческого эмбриона вне тела матери (хотя в настоящее время это возможно только на определенном этапе развития эмбриона).

Однако перспективные направления изменений биомедицинских технологий простираются намного дальше существующих ВРТ [Хмелевская, 2018]. Одним из таких направлений является создание искусственной утробы (экзомба) на основе технологии АWT (Artificial Womb Technology). Причем технология АWT подразумевает как частичное нахождение эмбриона/плода вне естественной утробы (например, при реализации ВРТ или — еще один вариант частичного эктогенеза — при помещении недоношенного/больного ребенка в кювет), так и полное его развитие до момента самостоятельного существования вне поддерживающих жизнеобеспечение устройств. Если частичный эктогенез применяется уже сегодня, то полный эктогенез еще находится на стадии научных исследований. Но именно последний отвечает интенциям достижения гендерного равенства в ракурсе гестационных процессов (снятие гендерной асимметрии).

Экзомб (искусственная матка) — это приспособление для развития эмбриона/плода вне человеческого тела [Segers, 2021]. В экзомбе должны полностью поддерживаться условия жизнеобеспечения и развития эмбриона/плода (наличие стерильной жидкой среды, аналогичной внутриматочной амниотической среде, а также систем газообмена, питания, удаления продуктов обмена из кровотока плода, поддержания нужной температуры и пр.) [Евграфова, 2019: 280]. Разработки по конструированию экзомба начались еще в 1950-х гг.⁴,

³ Вместе с тем эктогенез не сводится к технологии АWT, он включает также ксенобеременность, при которой эмбрион или плод помещают внутрь маточного носителя, принадлежащего другому виду; создание искусственной (аналогичной естественной) утробы с помощью тканевой инженерии (например, на основе 3D-биопечати); использование донорской матки (УТх).

⁴ Интерес к АWT впервые появился на рубеже XIX—XX вв. в трудах Дж. Б. С. Холдейна (который ввел термин «эктогенез» в 1924 г.) (см.: [Segers, 2021]). Кроме того, Холдейн предсказал, что к 2074 г. на эктогенез будет приходиться более 70 % человеческих рождений (см.: [Chemaly, 2012]). В 1955 г. Э. М. Гринберг запатентовал конструкцию искусственной матки, которая походила на инкубатор. Дальнейшая эволюция технологии искусственной матки происходила следующим образом: сначала инкубатор, потом биомешок и наконец собственно искусственная матка. Один из известных экспериментов был проведен в Детской больнице в Филадельфии (США) в 2017 г. с недоношенными ягнятами [Partridge et al., 2017].

но их практическое воплощение стало осуществляться в 1960-х гг., в том числе в СССР (в частности, в Ленинградском институте акушерства и гинекологии им. Д. О. Отта такие исследования проводил О. Г. Белокуров⁵ [Белокуров, 1978]). В настоящее время существует несколько научных центров, где проходят исследования по созданию экзомба (например, Детская больница в Филадельфии, США⁶; Институт им. Вейцмана, Израиль; Технологический университет Эйнховена, Нидерланды; Центр репродуктивной медицины и бесплодия Корнельского университета, США).

Особый интерес вызывают исследования по созданию экзомба, проводимые в Институте биомедицинской инженерии и технологий в Сучжоу (Китай). Здесь создана система «робот-няня», которая полностью и круглосуточно контролирует функционирование нескольких искусственных утроб, где развиваются эмбрионы животных (в частности, мышей). «Система реализует онлайн-отслеживание и мониторинг эмбрионов» [Weijun et al., 2021]. Искусственный интеллект самостоятельно сортирует эмбрионы по состоянию их здоровья и потенциалу дальнейшего развития, вносит предложения по их извлечению из экзомба.

Несмотря на достигнутые успехи по культивированию в таких искусственных утробах животных, применение к человеческим эмбрионам полного эктогенеза еще проблематично, это — дело будущего (хотя трудно сказать, какого будущего⁷). Представляется, что в данном случае возникает много проблем, и не только научно-медицинского, но и этико-правового характера. Достаточно отметить, что, согласно международным документам, имеются серьезные ограничения по проведению экспериментов на человеческих эмбрионах (их возраст должен быть не старше 2 недель⁸). Кроме того, не определен правовой статус эмбриона/плода, развивающегося в экзомбе. Имеются риски формирования человеческого организма в экзомбе с сопутствующими заболеваниями. Неясно, как в дальнейшем такое развитие отразится на психике ребенка. Вызывает вопросы и разрыв «внутриутробной связи» матери и ребенка, которая важна и для полноценного развития эмбриона/плода, и для психоэмоционального состояния

Не менее значимыми были результаты эксперимента, осуществленного в Институте им. Вейцмана (Израиль) в 2021 г., по выращиванию в искусственной матке зародышей мышей из пятидневных эмбрионов [Aguilera-Castrejon et al., 2021].

⁵ О. Г. Белокуров создал установку для перфузии плаценты, которую он назвал «Божена», — прообраз искусственной утробы. На эту установку в конце ноября 1979 г. он получил авторское свидетельство, в котором она была обозначена как «устройство для моделирования процессов плодношения».

⁶ В Детской больнице Филадельфии создана система (протокол) EXTEND (англ. *extra-uterine environment for neonatal development* — вне(экстра)маточная среда для развития новорожденного) на основе циркуляторного принципа [Парtridge и др., 2020]. В 2017 г. применение системы (протокола) EXTEND привело к успешной четырехнедельной поддержке крайне недоношенных ягнят без явных физиологических нарушений или недостаточности органов [Segers, 2021].

⁷ Некоторые ученые прогнозируют, что это произойдет через 10 лет [Приставка, 2022].

⁸ Ряд исследователей оспаривают это положение, полагая, что настало время изменить верхнюю границу (напр.: [McCully, 2021]).

матери и ребенка (например, как такой разрыв отразится на материнских чувствах, на привязанности ребенка к матери)⁹.

В качестве позитивных моментов технологии АWT можно выделить следующие: АWT может помочь женщинам, которые в силу разных причин не могут иметь детей; исключает риски (при полном эктогенезе) материнской/женской смертности, связанные с беременностью и родами; сохраняет жизнь эмбриона/плода при внезапной смерти матери / беременной женщины; создает благоприятные условия для рождения здорового ребенка; сохраняет жизнь ребенка, родившегося ранее 22 недель, с минимальной массой тела; обеспечивает лечение плода с задержкой внутриутробного развития, связанной с плацентарной недостаточностью, т. е. делает существенный прорыв в области развития неонатальной медицины и др. [Партридж и др., 2020]. «Ожидаемые преимущества включают развитие неонатальной медицины, улучшение интенсивной терапии новорожденных и обеспечение нового пути к биологическому родительству» [Segers, 2021: 1]. Развитие эмбриона/плода в экзомбе позволяет более глубоко изучить все этапы такого развития и оптимизировать для него условия, что раздвигает границы жизнеспособности эмбриона/плода.

Однако в настоящее время эта технология нуждается во всестороннем научном изучении и дальнейшей разработке, не выяснены до конца риски, которые она в себе заключает. Безопасность и обеспечение нормального развития эмбриона/плода в экзомбе, отсутствие отдаленных негативных последствий такого развития — это базисные условия, которые должны учитываться при внедрении данной технологии. Вместе с тем, как отмечалось, технология АWT влечет целый ряд этических и социальных проблем, в том числе касающихся гендерного равенства.

Технология АWT в оценке современных зарубежных феминисток: ловушки гендерного равенства

Российские активистки женского движения 20-х гг. XX в. не называли себя феминистками и критиковали феминисток западных стран, основываясь на том, что отсутствуют причины, по которым необходимо специально выделять интересы женщин: у них не должно быть иных интересов, кроме общих целей социальных преобразований. Как представляется, апелляция ряда российских активисток к новым репродуктивным технологиям, которые должны появиться в будущем, вызвана несколькими моментами.

С одной стороны, мужчин и женщин привлекал и объединял образ «нового» человека коммунистического общества, который будет кардинально отличаться от существующих людей, в частности способами деторождения (вспомним работу А. А. Богданова «Праздник бессмертия» [Богданов, 2014: 351—369]).

С другой стороны, поднимая тему деторождения и материнства, активистки привлекали внимание именно к женским проблемам, делая при этом акцент

⁹ Некоторые авторы утверждают, что «необходимая для общения морфология эмбриона, включая особенности нервной системы, формируется исключительно человеческим телом матери» (см.: [Былевский, 2022]).

как раз на том, что, по их мнению, нарушает гендерное равенство. Новые же технологии, как предполагалось, помогли бы восстановить подобное равенство.

Наконец, есть еще один аспект анализируемой темы. Новые репродуктивные технологии должны были освободить женщину от всего, что связано с беременностью и родами, с тем чтобы она еще больше включилась в коммунистическое строительство. Но, освобождаясь от «рабства» деторождения, женщина не становилась свободнее в выборе своей дальнейшей судьбы, так как выбор за нее уже был сделан: она должна стать активной участницей построения нового общества.

Проводить сравнение взглядов российских активисток женского движения обозначенного периода и современных западных феминисток на развитие репродуктивных технологий (причем в первом случае как мечтаний о будущем, а во втором — как почти осуществившейся реальности) представляется возможным только в ракурсе достижения гендерного равенства и свободы в рамках репродуктивных прав женщин. Именно в этом можно усмотреть пересечение (а не преемственность!) их идей.

Как и российские активистки женского движения 20-х гг. XX в., феминистки в веке нынешнем также много ожиданий связывают с научными достижениями, особенно если последние касаются репродуктивных технологий. Особый интерес у них вызывает развитие технологии АWT, которую они рассматривают с точки зрения освобождения от репродуктивного (гестационного) неравенства, а также социального неравенства, построенного на его основе (см., напр.: [Kendal, 2017; Kennedy, 2020]). В данном случае проявляются два аспекта проблемы: во-первых, достижение гендерного равенства применительно к вынашиванию и рождению ребенка (тем самым ликвидируется неравное распределение бремени беременности и родов между полами), а во-вторых, реализация права женщины на репродуктивную свободу.

Еще в одной из своих ранних работ канадская феминистка радикального толка С. Файерстоун обосновывала идеи, что источником гендерного неравенства выступает различие в биологических репродуктивных ролях (а точнее, их угнетающе несправедливое распределение) и что искусственная утроба, технология получения которой только начала в то время разрабатываться, освободит женщин от такого неравенства [Firestone, 1970].

Другие феминистки выражают более умеренную позицию. Например, С. Чемали утверждает, что технология АWT позволит женщине реализовать свободу репродуктивного выбора, избавит ее от бремени беременности и родов, а значит, уравнивает в правах с мужчиной (это событие отдаленного, но неотвратимого будущего). Вместе с тем позиция С. Чемали по этому вопросу более сложная. Помимо позитивной стороны, она видит и риски этой технологии: последняя отбирает у женщин универсальную силу — их огромную социальную значимость в процессах воспроизводства человеческого рода [Chemaly, 2012].

А. Смайдор также указала на востребованность технологии АWT для устранения гендерного неравенства: «Только устраняя таким образом естественную или физическую несправедливость, связанную с неравными гендерными ролями в процессе воспроизводства, мы можем смягчить социальные несправедливости, которые возникают из-за них» [Smajdor, 2007: 337]. При этом она повторила высказывание С. Файерстоун о том, что беременность — это

варварство. Причем это утверждение обосновывается А. Смайдор не только в ракурсе достижения гендерного равенства, но прежде всего исходя из заботы о женщине, которая подвергается рискам, вынашивая и рожая ребенка.

Отвечая на аргумент, что в процессе эктогенеза разрывается психологическая связь матери и ребенка, феминистка выдвигает ряд доводов: «...те, кто полагает, что связь матери и ребенка полностью зависит от его физического вынашивания, наносят огромный вред всем приемным родителям, которые нежно любят своих детей» [там же: 341]; кроме того, отцы способны любить своих детей так же сильно, как и матери. И наоборот, «физическая связь матерей со своими детьми не гарантирует надежного и безусловного потока материнской любви» [там же]. Таким образом, физическое вынашивание ребенка, по Смайдор, не является ни необходимым, ни достаточным условием для появления любви к нему.

Проанализируем приведенные выше утверждения, которые, как представляется, при их логическом анализе неизбежно ведут к тому, что можно обозначить как «ловушки гендерного равенства».

Во-первых, нужно отметить, что не все современные зарубежные феминистки формулируют требование о преодолении гестационного неравенства (как неравенства гендерных ролей в процессах воспроизводства), большинство из них акцентируют внимание только на достижении гендерного равенства в ракурсе собственно социальных аспектов (правовом, экономическом, политическом, культурном и пр.). Однако радикальное крыло феминизма ставит задачу преодолеть неравенство в распределении репродуктивных ролей между мужчиной и женщиной (что высказывалось и российскими наиболее радикально настроенными активистками женского движения, типа В. П. Голубевой). Деторождение, обусловленное природой женщины, воспринимается здесь как тяжкое бремя, от которого необходимо избавиться, при этом сохранив воспроизводство населения. В таком ракурсе технология АWT рассматривается радикальными зарубежными феминистками как одна из желательных.

Более умеренные феминистки ратуют за равенство в экономических, политических, социальных, культурных правах, равном доступе к ресурсам, при этом допуская неравенство в репродуктивных ролях, которое компенсируется женщинам, например, через механизмы социальной защиты, меры, направленные на охрану материнства и детства. Тем самым наличие таких механизмов и мер, по их мнению, включается в более общую систему социальной справедливости. Переложив функцию вынашивания ребенка на экзомб, женщина теряет и меры социальной защиты, связанные с беременностью и родами.

Во-вторых, применение технологии АWT за рамками медицинских показаний приводит к переосмыслению традиционной роли женщины в обществе и соответственно ее социальной значимости. Сам образ матери предполагает, что это женщина, которая родила и воспитала своего ребенка. Реализация полного эктогенеза, по сути, нивелирует эту роль. Получить родительство таким образом теперь могут все: и одинокие мужчины, и гомосексуальные пары, и трансгендеры, и женщины, которые не могли иметь детей. Отсюда усмотрение феминистками (и не только ими) в технологии АWT пути к всеобщему равенству.

Но у этого равенства есть и обратная сторона: снижение ценности естественного материнства и, следовательно, социальной ценности женщины-

матери, что может привести к нарушению гендерного равенства и мужскому доминированию [Vallverdú, Voix, 2020]. Поэтому устранение гендерного неравенства в репродуктивных ролях не означает, что в обществе исчезнет такое неравенство и в его социальных аспектах. Более того, с учетом изменения социальной роли женщины такое неравенство может, напротив, усилиться. В связи с этим трудно не согласиться с утверждением, что технология АWT не решает проблему на глубинном уровне, т. е. не бросает вызов определенным патриархальным ценностям и мышлению, что так угнетает феминисток [Isaac, 2019]. Природно-биологическое неравенство в распределении репродуктивных ролей не является в настоящее время глубинным источником социального гендерного неравенства, поэтому устранение первого не приводит к устранению второго.

В-третьих, следует учесть, что технология АWT сама может продуцировать неравенство, но неравенство уже социального характера (доступ к ней наиболее обеспеченных слоев населения и отсутствие доступа или ограниченный доступ бедных слоев). Вероятно, данная технология потребует существенных финансовых средств (в частности, возникает вопрос финансирования пребывания развивающегося эмбриона/плода в медицинском учреждении на протяжении достаточно длительного периода, если речь идет о полном эктогенезе).

В-четвертых, использование технологии АWT предполагает, что, после того как ребенок покинет экзомб (сможет самостоятельно дышать, питаться и др.), заботу о его жизнеобеспечении, воспитании и развитии возьмут на себя родители — мать и/или отец. При этом традиционно бóльшая часть такой нагрузки ложится именно на женщину. Репродуктивная свобода женщины оборачивается для нее несвободой от дальнейших обязанностей и от ответственности за этого ребенка¹⁰.

В-пятых, одним из аргументов феминисток является то, что АWT дает возможность реализовать право женщины на репродуктивную автономию, которое подразумевает ее свободу выбора — рожать детей или нет, сколько, когда и пр. Феминистки утверждают, что технология АWT снимет тяготы беременности и родов, а также связанные с ними ограничения деятельности и поведения женщины, предоставляя ей право выбрать способ деторождения. «Это перекликается с аргументом репродуктивной автономии, который основывается на том, что эктогенез позволит людям реализовать предпочитаемый ими родительский проект» [Cavalier, 2020: 77]. Причем право на репродуктивную автономию будет теперь не только у женщин, но и у мужчин, что создает сложности при одновременной реализации данного права, особенно при конфликте возникающих здесь интересов.

Технология АWT по-другому ставит и проблему аборт, выделяя в искусственном прерывании беременности две стороны: право женщины на репродуктивную автономию и право на жизнь эмбриона/плода. При создании необходимых условий жизнеобеспечения в экзомбе такому эмбриону/плоду будет обеспечено право на жизнь. Но будет ли при этом учитываться и каким образом мнение родителей, которые имеют равные права на развивающегося в экзомбе ребенка?

¹⁰ Хотя, по мнению российских феминисток 20-х гг. XX в., с момента рождения ребенок должен быть переведен на коллективное воспитание.

Заключение

Сбываются ли ожидания российских активисток женского движения 20-х гг. XX в.? С одной стороны, ответ утвердительный, поскольку создаются репродуктивные технологии, такие как АWT, которые способны привести к равенству в репродуктивных ролях и одновременно приблизить достижение полного гендерного равенства. Но, с другой стороны, ответ отрицательный, поскольку социальные последствия этих технологий могут значительно отличаться от целей, которые ставили перед собой активистки этого движения, и привести в конечном итоге к большему гендерному неравенству.

Любая технология, в том числе и биомедицинская, включается в определенный социальный контекст, где и будет даваться ее оценка. Например, не исключено, что в мире торжества постгендеризма, где должны исчезнуть понятия «пол», «гендерная идентичность», «брак как союз мужчины и женщины» и другие, технология АWT будет активно и широко применяться в целях формирования такого мира.

В обществах с интенциями на относительную консервативность, сохранение исторически сложившихся семейных ценностей эта технология, безусловно, будет применяться, но при этом ее использование может ограничиться медицинскими показаниями. Уже сейчас традиционные социальные институты дают ей резко негативную оценку.

Безусловно, технология АWT делает процесс развития эмбриона/плода, по сути, публичным, предельно рационализированным, снимая с него флер сакральности. Но потребность в развитии этой технологии есть, ее разработка поможет многим людям решить проблему родительства, совершить существенный прорыв в области неонатальной медицины. Однако связывать ее развитие с решением проблемы гендерного равенства некорректно, так как она порождает в данном случае не меньше проблем, чем их решает.

Список источников

- Арманд И. Ф. Маркс и Энгельс по вопросу семьи и брака // Арманд И. Ф. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. С. 81—86.
- Белокуров О. Г. Двусторонняя перфузия переживающей плаценты человека: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1978. 17 с.
- Богданов А. А. Праздник бессмертия. СПб.: Лениздат, Команда А, 2014. 382 с.
- Былевский П. Китайская «кибермать» вынашивает аутистов // Hi-Hume Journal. 2022. 4 февр. URL: <https://hi-hume.ru/novost/341> (дата обращения: 01.08.2022).
- Голубева В. П. Письмо А. Коллонтай, 1923 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 336.
- Евграфова А. Д. Искусственная матка: история, возможности и проблемы // Образовательная система: вопросы современного этапа развития научной мысли. Казань: СитИвент, 2019. С. 279—283.
- Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М.: Изд-во Всерос. центр. исполн. ком. Советов РК и КД, 1919. 61 с.
- Коллонтай А. М. Проституция и меры борьбы с ней: (речь на III Всероссийском совещании заведующих губженотделами). М.: Госиздат, 1921. 23 с.

- Коллонтай А. М.* Письмо В. П. Голубевой, 1923 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 336.
- Коллонтай А. М.* Доклад «Брак и быт», произнесенный в Колонном зале Дома союзов 25.01.1926 // Рабочий суд. 1926. № 5. С. 363—378.
- Коллонтай А. М.* Интервью, февраль 1929 г. // РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 134. Оп. 1. Д. 225.
- Коллонтай А. М.* Введение к книге «Общество и материнство» // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. С. 160—175.
- Коллонтай А. М.* Социальные основы женского вопроса. М.: Книга по требованию, 2013. 437 с.
- Ленин В. И.* Письмо И. Ф. Арманд, 17 января 1915 г. // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 49. С. 50—52.
- Мицюк Н. А.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 1. С. 21—32.
- О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.10.2020).
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ; (ред. от 11.06.2022 г., с изм. от 13.07.2022 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- Партридж Э., Флейк А., Козлов Ю. А.* Искусственная матка // Педиатрия: журнал им. Г. Н. Сперанского. 2020. Т. 99, № 1. С. 150—159.
- Приставка Е.* Искусственная матка и биомешок: когда женщины перестанут вынашивать и рожать детей // Хайтек. 2022. 25 янв. URL: <https://hightech.fm/2022/01/25/give-burth> (дата обращения: 01.08.2022).
- Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А.* Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX — начала XX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 73—89.
- Смидович С. Н.* Работница и новый быт. М.; Л.: Госиздат, 1927. 32 с.
- Темкина А. А.* Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 321—336.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.
- Хмелевская С. А.* Регенеративная медицина и проблема бессмертия // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 192—193.
- Aguilera-Castrejon A., Oldak B.* et al. Ex utero mouse embryogenesis from pre-gastrulation to late organogenesis // Nature. 2021. May. Vol. 593. P. 119—124.
- Cavalier G.* Gestation, equality and freedom: ectogenesis as a political perspective // Journal Medical Ethics. 2020. Vol. 46, iss. 2. P. 76—82.
- Chemaly S.* What do artificial wombs mean for women? // Rewire News Group. 2012. 23 Febr. URL: <https://rewirenewsgroup.com/article/2012/02/23/what-do-artificial-wombs-mean-women> (дата обращения: 01.08.2022).
- Firestone S.* The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution. New York: William Morrow and Company, 1970. 246 p.
- Isaac S.* Is artificial-womb technology a tool for women's liberation? // Aeon. 2019. 18 Dec. URL: <https://aeon.co/ideas/is-artificial-womb-technology-a-tool-for-womens-liberation> (дата обращения: 01.08.2022).
- Kendal E.* The perfect womb: promoting equality of (Fetal) opportunity // Journal of Bioethical Inquiry. 2017. Vol. 14, № 2. P. 185—194.

- Kennedy S. Willing mothers: ectogenesis and the role of gestational motherhood // *Journal Medical Ethics*. 2020. Vol. 46, iss. 5. P. 320—327.
- McCully S. The time has come to extend the 14-day limit // *Journal of Medical Ethics*. 2021. Vol. 47, iss. 12. URL: <https://jme.bmj.com/content/medethics/early/2021/01/18/medethics-2020-106406.full.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).
- Partridge E. A., Davey M. G., Hornick M. A. et al. An extra-uterine system to physiologically support the extreme premature lamb // *Nature Communications*. 2017. № 8. P. 1—15.
- Segers S. The path toward ectogenesis: looking beyond the technical challenges // *BMC Medical Ethics*. 2021. Vol. 22. P. 1—15.
- Smajdor A. The moral imperative for ectogenesis // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2007. Vol. 16, iss. 3. P. 336—345.
- Vallverdú J., Boix S. Ectogenesis as dilution of sex or the end of females? // *Feminist philosophy of technology* / ed. by J. Loh, M. Coeckelbergh. Berlin: Springer, 2020. P. 105—122.
- Weijun Z., Zhenying Z., Yuchen Y. et al. Design and experiment of online monitoring system for long-term culture of embryo // *Journal of Biomedical Engineering*. 2021. Vol. 38, № 6. P. 1134—1143.

References

- Aguilera-Castrejon, A., Oldak, B. et al. (2021) Ex utero mouse embryogenesis from pre-gastrulation to late organogenesis, *Nature*, May, vol. 593, pp. 119—124.
- Armand, I. F. (1975) Marks i Engel's po voprosu sem'i i braka [Marx and Engels on the issue of family and marriage], in: Armand, I. F. *Stat'i, rechi, pis'ma*, Moscow: Politizdat, pp. 81—86.
- Belokurov, O. G. (1978) *Dvustoronniiaia perfuziia perezvivaiushchei platsenty cheloveka*: Avtoref. dis. ... kand. biol. nauk [Bilateral perfusion of the surviving human placenta: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Bogdanov, A. A. (2014) *Prazdnik bessmertia* [Celebration of immortality], St. Petersburg: Lenizdat, Komanda A.
- Bylevskii, P. (2022) Kitaïskaia “kibermat’” vynashivaet autistov [Chinese “cybermat” harbors autistic], *Hi-Hume Journal*, 4 fevralia, available from <https://hi-hume.ru/novost/341> (accessed 01.08.2022).
- Cavalier, G. (2020) Gestation, equality and freedom: ectogenesis as a political perspective, *Journal Medical Ethics*, vol. 46, iss. 2, pp. 76—82.
- Chemaly, S. (2012) What do artificial wombs mean for women?, *Rewire News Group*, 23 February, available from <https://rewirenewsgroup.com/article/2012/02/23/what-do-artificial-wombs-mean-women> (accessed 01.08.2022).
- Evgrafova, A. D. (2019) Iskusstvennaia matka: istoriia, vozmozhnosti i problemy [Artificial uterus: history, opportunities and problems], in: *Obrazovatel'naia sistema: voprosy sovremennogo etapa razvitiia nauchnoi mysli*, Kazan': SitIvent, pp. 279—283.
- Firestone, S. (1970) *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*, New York: William Morrow and Company.
- Isaac, S. (2019) Is artificial-womb technology a tool for women's liberation?, *Aeon*, 18 December, available from <https://aeon.co/ideas/is-artificial-womb-technology-a-tool-for-womens-liberation> (accessed 01.08.2022).
- Kendal, E. (2017) The perfect womb: promoting equality of (fetal) opportunity, *Journal of Bioethical Inquiry*, vol. 14, no. 2, pp. 185—194.
- Kennedy, S. (2020) Willing mothers: ectogenesis and the role of gestational motherhood, *Journal Medical Ethics*, vol. 46, iss. 5, pp. 320—327.

- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Ėvoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of women's issues in Russian society (1900—2020)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, vol. 1, pp. 3—21.
- Khmelevskaia, S. A. (2018) Regenerativnaia meditsina i problema bessmertiiia [Regenerative medicine and the problem of immortality], *Sotsial'no-politicheskie nauki*, vol. 3, pp. 192—193.
- Kollontaĭ, A. M. (1919) *Novaia moral' i rabochii klass* [New morality and the working class], Moscow: Izdatel'stvo Vserossiiskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta Sovetov rabochikh, krest'ianskikh i krasnoarmeiskikh deputatov.
- Kollontaĭ, A. M. (1921) *Prostitutsiia i mery bor'by s nei*: (Rech' na III Vserossiiskom soveshchaniĭ zaveduiushchikh gubzhenotdelami) [Prostitution and measures to combat it: (Speech at III All-Russian meeting of heads of gubzhenotdely)], Moscow: Gosizdat.
- Kollontaĭ, A. M. (1926) Doklad "Brak i byt", proiznesennyĭ v Kolonnom zale Doma soiuзов 25.01.1926 [The report "Marriage and life", delivered in the Column Hall of the House of Unions 25.01.1926], *Rabochii sud*, no. 5, pp. 363—378.
- Kollontaĭ, A. M. (1972) Vvedenie k knige "Obshchestvo i materinstvo" [Introduction to the book "Society and Motherhood"], in: Kollontaĭ, A. M. *Izbrannye stat'i i rechi*, Moscow: Politizdat, pp. 160—175.
- Kollontaĭ, A. M. (2013) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the women's issue], Moscow: Kniga po trebovaniuu.
- Lenin, V. I. (1970) Pis'mo I. F. Armand, 17 ianvaria 1915 g. [Letter to I. F. Armand, January 17, 1915], in: *Polnoe sobranie sochineniĭ*, vol. 49, Moscow: Politizdat, pp. 50—52.
- McCully, S. (2021) The time has come to extend the 14-day limit, *Journal of Medical Ethics*, vol. 47, iss. 12, available from <https://jme.bmj.com/content/medethics/early/2021/01/18/medethics-2020-106406.full.pdf> (accessed 01.08.2022).
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia "ideal'nuiu mat'": kontseptsii materinstva v rossiiskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the "ideal mother": the concepts of motherhood in Russian society in the beginning of the XX century], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 13, no. 1, pp. 21—32.
- Partridge, E. A., Davey, M. G., Hornick, M. A. et al. (2017) An extra-uterine system to physiologically support the extreme premature lamb, *Nature Communications*, no. 8, pp. 1—15.
- Partridzh, E., Fleĭk, A., Kozlov, Iu. A. (2020) Iskusstvennaia matka [Artificial uterus], *Pediatriia: Zhurnal imeni G. N. Speranskogo*, vol. 99, no. 1, pp. 150—159.
- Pristavka, E. (2022) Iskusstvennaia matka i biomeshek: kogda zhenshchiny perestanut vynashivat' i rozhat' detei [Artificial uterus and bio bag: when women will stop carrying and giving birth to children], *Khaitek*, 25 ianvaria, available from <https://hightech.fm/2022/01/25/give-burth> (accessed 01.08.2022).
- Pushkareva, N. L., Mitsiuk, N. A. (2016) Modernizatsiia reproduktivnogo povedeniia obrazovannykh rossiianok vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Modernization of reproductive behavior of the Russian noblewomen in the second half of XIX — the beginning of the XX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 73—89.
- Segers, S. (2021) The path toward ectogenesis: looking beyond the technical challenges, *BMC Medical Ethics*, vol. 22, pp. 1—15.
- Smajdor, A. (2007) The moral imperative for ectogenesis, *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, vol. 16, iss. 3, pp. 336—345.
- Smidovich, S. N. (1927) *Rabotnitsa i novyi byt* [A female worker and a new way of life], Moscow; Leningrad: Gosizdat.
- Temkina, A. A. (2014) Medikalizatsiia reproduksii i rodov: bor'ba za kontrol' [Medicalization of the reproduction and childbirth: a struggle for control], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 12, no. 3, pp. 321—336.

- Vallverdú, J., Boix, S. (2020) Ectogenesis as dilution of sex or the end of females?, in: Loh, J., Coeckelbergh, M. (eds), *Feminist philosophy of technology*, Berlin: Springer, pp. 105—122.
- Weijun, Z., Zhenying, Z., Yuchen, Y. et al. (2021) Design and experiment of online monitoring system for long-term culture of embryo, *Journal of Biomedical Engineering*, December, vol. 38, no. 6, pp. 1134—1143.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 29.09.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Хмелевская Светлана Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, xmelevsk@mail.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).